

Kori Micha

Лик демона в аду

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Kori Micha
Лик демона в аду

<https://litres.ru/73999804>

SelfPub; 2026

Аннотация

Истрия про настоящий ад который прошли герои этой Истрии .
Они были верны миру и силе добра и жизни .

Kori Micha

Лик демона в аду

часть 1 —

Глава 1. Лик Демона в Аду

Он пришёл в себя от прикосновения. Холодного, твёрдого. Его пальцы скользнули по собственной щеке и наткнулись не на кожу, а на гладкую, полированную поверхность. Маска. Он сидел на коленях среди моря щебня и пыли, и первое, что он осознал — это чужое, неподвижное лицо, приросшее к его собственному.

Он не помнил ничего. Ни имени, ни того, как сюда попал. Его мир сузился до нескольких ощущений: едкий запах гари, давящая тяжесть багрового неба, холод маски на лице и мягкая ткань капюшона, натянутого на голову, отсекающая периферийный мир. Он был одет в чёрную толстовку и тёмные штаны — униформа небытия.

Его осмотр прервал тихий, прерывивый вздох.

Он резко поднял голову. В нескольких шагах стояла девушка. Её светло-каштановые волосы были растрёпаны, из-

мазанная сажей и следами слёз. Некогда нарядная белая рубашка и чёрный галстук выглядели пародией на вечерний выход. Но её глаза... серо-голубые, как туманность в космической пустоте, были полны такого же животного ужаса, что клокотал и в нём.

Они смотрели друг на друга — девушка в смятении, он — из-за непроницаемой маски демона.

«Ты...» — её голос сорвался на шёпот. Она видела его всего несколько секунд, но её взгляд был прикован не к его одежде, а к тому, что скрывало его лицо. К маске с бездушным, застывшим оскалом. «Ты живой?»

Он кивнул. Единственное, что он мог сделать. Он открыл рот, но из горла вырвался лишь сиплый, беззвучный выдох. Речь была для него забытым языком.

Ева — это имя всплыло в её памяти, когда она назвала его, — отшатнулась, увидев кивок. Её страх перед местом боролся со страхом перед ним. Загадочный незнакомец в маске демона.

«Я... не помню, как я здесь оказалась. Помню только вспышку света, а потом... это», — она обвела дрожащей рукой руины.

Снова его молчаливый жест, снова кивок. И я тоже. Но сказать он этого не мог. И не только из-за немоты. Глубоко внутри, под слоями амнезии и страха, что-то шевельнулось. Что-то тёплое и острое, как жало. Вид её испуганных глаз, дрожи в руках, вызывал в его груди не просто жалость, а физическую боль, желание встать между ней и всем этим ужасом. Это было иррационально, необъяснимо, как инстинкт.

«А ты? Как тебя зовут?» — спросила она, всё ещё не решаясь подойти ближе.

Он покачал головой. Ничего.

Ева на мгновение задумалась, её взгляд скользнул по его светло-каштановым волосам, выглядывающим из-под капюшона, по его сложению.

«Тогда... можно я придумаю тебе имя?» — предложила она, и в её голосе впервые пробились нерешительная надежда.

Он быстро кивнул, и этот детский, почти наивный жест странно контрастировал с его демонической личиной.

«Кори», — выдохнула она, и на её губах дрогнуло подобие улыбки. «Пусть тебя зовут Кори».

Она сделала шаг вперёд, затем ещё один, и, набравшись смелости, взяла его за руку. Её пальцы были ледяными.

«Мы не выживем здесь поодиночке. Демон или нет... ты сейчас единственный, кто у меня есть».

Он позволил ей вести себя, его разум был пуст, но тело напряжено, как пружина. Его задача, пронзившая амнезию, была кристально чиста: защитить её. Никто не должен был причинить ей вред. Ни этот мир, ни он сам.

Первая кровь на маске

Их первая встреча с обитателями ада была стремительной и беззвучной. Тварь — гибрид человека и насекомого, сшитый из хитина и отчаяния, — вынырнула из-под груды арматуры.

Кори отреагировал раньше, чем осознал угрозу. Он резко оттолкнул Еву за спину, и сам едва увернулся от удара. Когти просвистели в сантиметрах от маски, оставив на стене за его спиной глубокие шрамы.

Страх сковал его. Он отступал, спотыкаясь, пока не упёрся спиной в стену. Монстр, щёлкая челюстями, готовился к новому прыжку. И в этот миг Кори увидел, как второе такое

же существо, привлечённое шумом, крадётся к Еве сбоку.

Мысль о том, что она может умереть, ударила в мозг с такой силой, что стена амнезии дала трещину. Это не было воспоминанием. Это был инстинкт, древний и непреложный. Спаси её.

Из его горла, разрывая немоту, вырвался не крик, а хриплый, прорывающийся сквозь песок лет команды рык:
«СЗАДИ!»

Время для него замедлилось. Его тело, больше не скованное страхом, взорвалось движением. Он не бежал — он ricochetил от развалин, его тёмный плащ-толстовка мелькал, как тень. Капюшон не слетел, маска не дрогнула — это был бесстрастный, безликий демон, внезапно оживившийся для убийства.

Первым движением он врезался в тварь, подбирающуюся к Еве, отшвырнув её ударом плеча. Второе — он оказался перед первым монстром. Его пальцы в перчатке нашли уязвимость в хитиновом панцире на шее, и с отвратительным хрустом он проломил его.

Всё кончилось за мгновение.

Он стоял, тяжело дыша под маской, глядя на свою окровавленную перчатку. От него исходил лёгкий пар. Ужас от содеянного смешивался с холодным удовлетворением. Она была жива.

Ева смотрела на него, прислонившись к стене, с благоговейным ужасом. Она только что видела, как безмолвный незнакомец в маске демона превратился в бурю смерти. И этот же незнакомец только что спас её, и его первое слово было предупреждением для неё.

«Ты... ты заговорил», — прошептала она.

Кори медленно повернул к ней свою бездушную маску. Его голос был скрипучим, непривычным.

«Твоё... имя. Ева. Я... помню только его».

Это была правда. Среди руин его памяти сияла лишь одна-единственная звезда — её имя. Он не знал, почему. Он не знал, что когда-то любил её больше жизни. Он знал только, что готов убить и умереть за неё снова. И его маска, скрывающая всё, что могло бы выдать эту забытую правду, была теперь его вечным проклятием и единственной защитой. /

Часть 3 /

«Он был живым»

Глава 2. Шепот руин

Их путь лежал через каньон из искореженного металла и оплавленного бетона, где ветер выл, словно души проклятых. Ева шла чуть впереди, ее шаги были осторожны, а взгляд постоянно метался по сторонам. Кори двигался за ней, как тень, его маска — неподвижный лик спокойствия в этом хаосе, за которым скрывалась буря незнания. Он прислушивался не к звукам, а к тишине внутри себя, и находил в ней лишь одно — потребность оберегать ту, что шла впереди.

Именно он первым заметил движение в грудe обломков, что когда-то было школой. Не угрожающее, а скорее — испуганное. Из-под ржавой парты на них смотрел широко раскрытый глаз.

Ева вздрогнула и инстинктивно шагнула назад, к Кори. Тот, в свою очередь, замер, его тело вновь стало собранной пружиной, готовой в любой миг распрямиться.

«Выходи», — его голос, скрипучий и непривычный, прозвучал громче, чем он ожидал.

Из-за завала вылез молодой человек, немногим старше них. Его одежда была в пыли, а в руках он сжимал обломок трубы, дрожащей хваткой выдававшей его страх. Его звали Лео, и до того, как мир рухнул, он был простым студентом.

«Не подходите!» — выкрикнул он, направляя импровизированное оружие то на Кори, то на Еву. — «Я вас предупреждаю!»

Ева подняла руки, стараясь казаться безобидной. «Мы не причиним тебе зла. Мы просто идем... куда-нибудь».

Лео не слушал. Его взгляд был прикован к Кори. К его маске. К темной, безмолвной фигуре, от которой веяло леденящим душу спокойствием.

«Что это с ним? Почему он в этой... штуке?»

«Он не опасен», — сказала Ева, но в ее голосе прозвучала неуверенность. Она сама видела, на что способен Кори.

Кори сделал шаг вперед. Один. Еще один. Лео отступал, спотыкаясь, его «оружие» тряслось все сильнее.

«Стой! Я сказал, стой!»

Но Кори не остановился. Он подошел вплотную, игнорируя трубу, и, не говоря ни слова, протянул руку — не для удара, а с открытой ладонью. В ней лежала нетронутая упаковка сухпайка, которую они нашли ранее. Молчаливый жест. Жест мира.

Лео замер, глядя на еду, потом на маску. Его рука с трубой медленно опустилась. Страх в его глазах сменился растерянностью, а затем — стыдом. Он взял упаковку и кивком поблагодарил незнакомца с лицом демона.

«Спасибо», — пробормотал он. — «Меня... меня зовут Лео».

Кори лишь кивнул и отошел назад, к Еве, заняв свою привычную позицию — чуть сзади, готовый в любой момент шагнуть вперед.

Голоса Ада:

Лео, студент:

«Я думал, это конец. Сидел в этой дыре два дня, слышал,

как они ползают снаружи... эти твари. А потом увидел их. Девушку, испуганную, но живую. И... его. Он шел за ней, как призрак. Эта маска. Без эмоций. Без души. Я чуть не умер от страха. Решил, что это новый монстр, тот, что поумнее, который пришел добить меня. Он подошел ко мне, и я был уверен, что он сейчас свернет мне шею. А он... дал мне еду. Молча. Его глаза... я не видел глаз, но я чувствовал его взгляд. Он не смотрел на меня как на добычу. Он смотрел как на помеху. Или на союзника. Я не знаю. Я боюсь его не потому, что он злой. Я боюсь его потому, что он непредсказуем. Он — тишина перед бурей. И я молюсь, чтобы эта буря никогда не обрушилась на меня».

Старый Хранитель, смотритель заброшенного архива:

«Они вошли в мое убежище, нарушив пыльный покой веков. Девушка — испуганный птенец, выпавший из гнезда. А он... Тень, привязанная к ней невидимой нитью. Я видел многое за время, проведенное в этих руинах, но такого — никогда. Его аура... она холодная, выжженная. Как поле после битвы. Но в центре — одно горячее, яркое пятно. Она. Он не говорил ни слова, но его тело говорило за него: каждый мускул был напряжен, готовый в любой миг превратиться в оружие. Я предложил им воду, и он сначала попробовал ее сам, прежде чем позволить ей пить. Как зверь, проверяющий еду для детеныша. Он не доверяет никому. И это правильно.

Но именно это и пугает. Существо, которое руководствуется лишь инстинктом защиты, не ведая ни жалости, ни сомнений, — это самое опасное существо во всем этом аду. Я боюсь его, потому что в нем нет человечности, которая могла бы его остановить».

Охотник, выживший в одиночку:

«Я видел, как он убивает. Я выслеживал одну из тех тварей, что питаются страхом, и наткнулся на них. Тварь была сильной, быстрой. Она уже почти настигла девушку. И тогда он... исчез. Нет, он не исчез, он просто двигался так быстро, что мой глаз едва уловил движение. Это не был бой. Это был разгром. Одним ударом. Чисто, эффективно, без единого звука. После этого он просто стоял, с окровавленной перчаткой, и смотрел на свою спутницу, будто проверяя, не ранена ли она. А потом повернул свою маску в мою сторону. Он знал, что я там был. Он посмотрел на меня сквозь щели в этой демонической роже, и я понял одно: я — ничто. Я — пыль на его пути. Если я трону ее или встану у него на дороге, он сотрет меня с лица этой земли, не испортив и дыхания. Я, который выжил в десятках схваток, боюсь его. Боюсь его абсолютной, безмолвной силы».

Ева: до пробуждения

Ева не сразу его заметила. Сначала она увидела лишь темный силуэт на фоне багрового неба, неподвижный среди хаоса. Она прижалась к стене, сердце колотилось в горле, готовая бежать. Но фигура не двигалась.

Осторожно, шаг за шагом, она приблизилась. Это был юноша, лежащий ничком в пыли. Он был без сознания. Его светло-каштановые волосы были растрепаны, а на лице... на лице была маска. Белая, гладкая, с застывшим, почти печальным оскалом. Это не было лицо монстра. Это было лицо стража каких-то забытых ворот.

Она не знала, почему подошла. Инстинкт самосохранения кричал бежать. Но что-то другое, глубокое и иррациональное, тянуло ее к нему. Он выглядел... потерянным. Таким же, как она.

Она опустилась на колени рядом с ним и осторожно, дрожащей рукой, дотронулась до его плеча. Холодная ткань толстовки, тепло тела.

«Эй... ты в порядке?» — ее голос прозвучал как выдох.

Ответа не последовало. Она посмотрела на его руки, ле-

жащие безвольно. Длинные пальцы, сильные кисти. Руки того, кто мог бы держать оружие. Или защищать.

И тут ее сердце сжалось от странного, внезапного чувства. Это не была жалость. Это было что-то острое, тревожное и одновременно — безумно знакомое. Будто она ждала его всю свою жизнь, не зная, кого именно ждет. Будто какая-то часть ее души узнала в этом незнакомце в маске что-то родное.

Она провела пальцами по холодной поверхности маски, по тому месту, где должна быть щека. «Не бойся», — прошептала она, не понимая, кому адресованы эти слова — ему или себе.

В этот миг он начал приходить в себя. Его пальцы дрогнули, скользнули по щеке и наткнулись на маску. Его тело напряглось. Ева отпрянула, но было уже поздно. Он сел, и его взгляд из-за непроницаемой маски упал на нее.

Испуганные серо-голубые глаза встретились со взглядом, которого она не видела, но чувствовала — растерянным, диким, но не злым.

И в этот миг ее легкая, зарождающаяся влюбленность смешалась со священным ужасом. Она дала ему имя. Она взяла его за руку. Она привязала свою судьбу к демону, не зная,

что когда-то, в другой жизни, он был для нее всем. И что-то глубоко внутри нее, забытое и вечное, уже шептало: «Накопец-то я нашла тебя». (Часть 4: Кори)

Сегодняшний день начался с пинка. Буквально.

Я молча указывал Еве на более безопасный путь — в обход груды звенящего металла. Она посмотрела туда, потом на меня, и в ее глазах вспыхнул тот самый озорной огонек, что появлялся все чаще.

— Скучно, — заявила она и, не слушая, рванула прямо через шумные завалы.

— Ева! — мой хриплый голос прозвучал резко. Я кинулся за ней.

Она ловко перескакивала с балки на балку, оборачиваясь, чтобы бросить мне вызов взглядом. И, конечно, оступилась. Не сильно, но достаточно, чтобы я, сделав рывок, оказался рядом и поймал ее за руку, прежде чем она грохнулась бы вниз.

Мы замерли. Она, опираясь на мою грудь, я — сжимая ее локоть. Ее дыхание было учащенным, но не от страха. От адреналина.

— Видишь? Не скучно, — выдохнула она, и на ее губах играла дерзкая улыбка.

Я не выпускал ее руку, ведя уже своей дорогой, более тихой. Внутри все сжалось от ужаса при мысли, что она могла

упасть, но также и от чего-то нового — от этой ее настырной, живой энергии, которая пробивалась сквозь уныние этого мира, как росток сквозь асфальт.

Вечером, разводя огонь в укрытии старой автобусной остановки, она была необычайно тихой. Ветер свистел в щелях, принося с собой ледяное дыхание ночи.

— Тебе не холодно? — спросил я наконец, заметив, как она ежится.

Она посмотрела на меня, и ее взгляд был каким-то... пристальным. Проницательным.

— С тобой, Кори, мне тепло, — сказала она просто, как о само собой разумеющемся.

Потом, не говоря ни слова, она перебралась через потухшее кострище и села рядом со мной, прижавшись всем боком. Ее плечо уперлось в мое, бедро к бедру. Я застыл, как истукан. Каждый мускул напрягся, но не для броска, а от незнания, что делать с этой внезапной близостью, с этим доверчивым теплом.

— Не бойся, я не укушу, — она усмехнулась, чувствуя мою скованность. — Просто тут ветер меньше дует. Ты же мой личный обогреватель.

Она устроилась поудобнее, положив голову мне на плечо. Ее волосы пахли дымом и чем-то еще, едва уловимым, своим. Мое дыхание под маской стало глубже, ровнее. Я медленно, преодолевая внутренний барьер, опустил руку и осто-

рожно обнял ее за плечи, притягивая чуть ближе, чтобы лучше укрыть от холода. Она вздохнула с облегчением и расслабилась.

Мы так сидели долго, слушая вой ветра. Потом она подняла голову и повернулась ко мне.

— Знаешь, — начала она тихо, ее пальцы вдруг потянулись к моей маске. Я не отпрянул. — Я давно перестала видеть эту штуку. Пластик и краску.

Ее пальцы мягко обвели контур щеки маски, как будто касаясь самой кожи.

— Я вижу тебя, Кори. Сильную, израненную душу за ней. Ту, что кричит внутри, но все равно выбирает защищать. Мне... мне это нравится. Это честно.

Она замолчала, ее серо-голубые глаза сияли в полумраке такой нежной, но несгибаемой уверенностью. Потом, быстрым, решительным движением, она наклонилась и мягко поцеловала холодную поверхность маски — именно там, где должна быть щека.

Это был не огонь, не страсть. Это был тихий, теплый шрам на холоде фарфора. Залог. Признание.

Во мне все перевернулось. Этот поцелуй прошел сквозь маску, сквозь броню, сквозь годы страха и одиночества, и ударил прямо в самое нутро, в ту самую истерзанную душу, о которой она говорила. Голос в моей голове умолк, полностью, впервые. Осталась только тишина, наполненная гул-

ким, мощным биением сердца.

Я не смог ничего сказать. Но мой обхват вокруг ее плеч стал чуть крепче, увереннее. И я, склонив голову, легонько, едва слышно, стукнулся лбом в маске о ее макушку. Свой немой ответ. Свое «Я здесь. Я все чувствую».

Эта ночь не была самой безопасной. Этот мир не стал добрее.

Но в нем, у потухшего костра, под вой выюги, сидел парень в маске демона, который чувствовал себя не монстром, а просто человеком. С самым верным, самым смелым и самым теплым существом во всей вселенной, прижавшимся к его боку.

И это было не просто интересно. Это было самым настоящим, тихим чудом в этом страшном, непредсказуемом мире. Как баскетбол — все могло изменить одно движение, один момент. И этот момент — ее поцелуй в маску — изменил все для меня. Навсегда. Часть 5: финал)

Глава 4. Стоимость возврата

Их нашел Старый Хранитель в самом сердце руин, в помещении, напоминавшем сожженную библиотеку. Он был не человеком, а скорее эхом, призраком этого мира — существом, которое помнило все.

«Выход есть, — прошептал он, его голос скрипел, как ржа-

вые страницы. — Но он не для слабых духом. Это мир-тюрьма, и тюремщик — его создатель. Гигант, которого мы зовем Скульптор. Он лепит этот ад из плоти и страха тех, кто сюда попадает».

Кори, как всегда, стоял в тени, неподвижный иероглиф под маской. Ева слушала, затаив дыхание.

«Убить его — недостаточно, — продолжал Хранитель. — Его когти — не просто оружие. Они режут саму ткань реальности. Причина, по которой Портал в ваш мир закрыт, — в недостатке силы. Нужен удар, способный рассечь не только плоть, но и сам свет, саму границу между мирами».

«И как это сделать?» — спросила Ева, голос ее дрожал.

Старик посмотрел прямо на Кори.

«Только ответным ударом. Нужно спровоцировать Скульптора на его самое сильное, сокрушающее атаку. И в момент, когда его коготь достигнет апогея, нанести свой собственный удар — не в него, а в его атаку. В самую точку рассечения пространства. Две волны, столкнувшись, сложатся. Их сила на мгновение разорвет фундамент этого мира и откроет брешь. На мгновение. Один шаг».

Почему он молчал

Позже, у потухшего костра, Ева, дрожа, спросила: «Значит, нам нужно заставить его ударить? И ты... ты должен будешь принять этот удар?»

Кори молчал. Он видел это в глазах Старого Хранителя. Не просто план, а приговор. Тот, кто примет на себя коготь Скульптора и сумеет в этот миг ответить, умрет. Волна энергии разорвет не только пространство, но и тело, оказавшееся в ее эпицентре. Это был билет в один конец. Принести себя в жертву — ключ.

Он не сказал ей этого. Просто кивнул, скрывая за маской всю тяжесть истины. Он не мог позволить ей пытаться остановить его или, что еще хуже, предложить себя вместо него. Ее безопасность была единственным смыслом. Даже если этот смысл вел его к гибели.

«Я найду способ, — хрипло прошептал он, глядя на свои руки. — Нам просто нужна правильная позиция».

Глава 5. Скульптор и Его Глина

Логово Скульптора находилось в соборе из костей и ста-

ли. Это был не просто монстр. Это был принцип уродства. Его тело, высотой с колокольню, было слеплено из тысяч тел, слившихся в один шевелящийся кошмар. Руки, заканчивающиеся не когтями, а длинными, искривленными клинками из черного обсидиана, которые мерцали, искажая вокруг себя воздух, как жар от раскаленного металла. Лица жертв тонули и всплывали на его поверхности, беззвучно крича. А в центре груди сияло, как черное солнце, ядро — сгусток тьмы, пульсирующий в такт стону этого мира.

Битва началась не с рыка, а с тишины. Скульптор двигался с обманчивой медлительностью, но каждый его удар был катастрофой. Клинки рассекали не только воздух — за ними тянулись черные шрамы в самой реальности, короткоживущие разрывы, из которых сочился не свет, а абсолютная пустота.

Кори был тенью, молнией. Он не атаковал гиганта напрямую — это было бессмысленно. Он отскакивал от руин, провоцируя, отвлекая. Его цель была одна: заставить Скульптора вложить всю свою мощь в один идеальный, космический удар. В удар, который разрежет все.

Ева, спрятавшись за обломками, кричала ему, направляя, бросая камни, чтобы отвлечь тварь. Она видела, как клинки просвистывают в сантиметрах от него, как один из них сри-

кошетил от его блока, но волна удара все же зацепила бок, разорвав ткань и кожу. Первая кровь.

«СЕРДЦЕ! БЕЙ В ЯДРО!» — крикнул Хранитель, наблюдая издалека.

Кори ринулся вперед, симулируя отчаянную атаку. Он взлетел по падающей колонне и нанес серию ударов по черному солнцу на груди монстра. Оно дрогнуло. Раздался рев, от которого затрещали камни. Скульптор, наконец, вышел из себя.

Цена удара

Гигант откинулся назад, и весь его ужасный вес вложился в замах правой руки. Обсидиановый клинок засветился изнутри лиловым адским пламенем. Пространство вокруг него затрещало, как тонкий лед. Это был тот самый удар. Удар, способный резать свет.

Кори стоял на месте. Он не уворачивался. Он видел, как Ева в ужасе вскочила, крича ему, чтобы он бежал. Он поднял свой взгляд на нее сквозь маску. На прощание.

Клинок обрушился.

Кори не блокировал его. Он встретил его. Вложив всю свою скрытую силу, всю ярость, всю отчаянную любовь, он нанес свой собственный удар — кулаком в основание несущегося лезвия, прямо в эпицентр искажения.

Произошла не вспышка, а взрыв тишины.

Две волны силы — чудовищная тьма Скульптора и сфокусированная воля Кори — столкнулись. На миг все замерло. Потом из точки столкновения пошел свет. Не адский багровый, а ослепительно-белый, холодный. Он рассек воздух, тело Скульптора (который замер, а затем начал рассыпаться в пыль, как сухая глина), пол и само небо, открыв за ним вид на знакомые городские огни, на чистое ночное небо.

Портал был открыт.

Но плата была принесена.

Сила отдачи от столкновения двух вселенских ударов прошла через тело Кори, как через проводник. Его кости затрещали. Броня и одежда превратились в лохмотья. Глубокие, ужасающие раны раскрылись на его груди, плечах, ногах — не только от физического контакта с клинком, которого почти не было, но от самой энергии разрыва. Он был похож на разбитую вазу, скрепленную последней волей. Его отброси-

ло, как тряпичную куклу, на острые обломки у самого края сияющего разлома.

И тогда, истекая жизнью, глядя на бегущую к нему сквозь свет и пепел Еву, он почувствовал, как в его разум хлынул поток. Стена пала. Врата открыли не только путь домой, но и его собственную, украденную память.

Глава 5. Лик, скрытый за вечностью

Тишина после битвы была оглушительнее любого крика. Воздух звенел, разорванный надвое — перед ними, в самом эпицентре столкновения двух всесокрушающих ударов, зиял Портал. Не иллюзия, не мираж. Настоящий разлом в самой ткани кошмара. Сквозь него лился чистый, холодный свет и пахло дождем и асфальтом — запахом дома.

Но цена была запредельной.

Кори лежал на острых обломках, его тело было изломано и истекало жизнью. Доспехи, сшитые из обрезков этого ада, были разорваны. Маска демона, всегда безупречная и холодная, теперь покрылась сеткой трещин. Он дышал прерывисто, хрипло, и каждый вдох давался мукой.

Ева рухнула рядом с ним на колени. Ее руки, залитые

чужой и его кровью, дрожали. Она пыталась зажать самые страшные раны, но жизнь ускользала сквозь пальцы, теплая и неумолимая.

— Нет, нет, нет, Кори, держись, — ее голос был сдавлен рыданием, слезы капали на его разорванную грудь, смешиваясь с кровью. — Мы победили. Выход тут... Смотри... Мы идем домой... Вместе!

Он медленно повернул к ней голову. Сквозь трещины в маске были видны его глаза — карие с зелеными вкраплениями. В них не было страха. Было странное, далекое понимание.

— Ева... — его голос был тихим шелестом, но ясным. Поразительно ясным. — Все... вспомнил.

Она замерла, не понимая.

— Врата... открыли не только путь, — он с трудом выдал слова. — Открыли... разум. Память... вернулась.

Он смотрел на нее, и в его взгляде была целая вечность тоски.

— Как... как ты можешь меня любить? — прошептал он, и в этих словах была горечь всех прожитых в одиночестве лет. — Ведь... в школе... ты меня отвергла.

Ева отшатнулась, будто ее ударили. Сквозь пелену слез и

ужаса она вглядывалась в треснувшую маску.

— Что? Что ты говоришь? Я... я не понимаю. Какая школа? Кори...

— Маску... — выдохнул он, и в его глазах появилась мольба. Последняя просьба. — Сними... маску.

Дрожащими пальцами она ухватила за края холодного фарфора. Маска, приросшая к его лицу за все это долгое путешествие, отошла легко, будто ждала этого момента. Под ней было бледное, искаженное болью, но до боли знакомое лицо. Лицо одноклассника, который всегда сидел на задней парте в капюшоне. Мальчика со светло-каштановыми волосами и смешанными глазами, который смотрел на нее как на солнце и никогда не решался подойти. Того, кто однажды просто исчез, и все решили, что он перевелся.

— Хиро... — имя сорвалось с ее губ само собой, прорвавшись из глубин памяти, которую этот мир старательно стирал. — Это... ты?

Он едва кивнул.

— Я пытался... признаться. Подарил... ту самую бездушку... Ты посмотрела на меня так... испуганно. И отвернулась.

Ева замотала головой, слезы текли ручьями.

— Нет! Я не отвергала тебя! Я... я сама была влюблена! Но ты был таким закрытым, недоступным! Ты носил этот капюшон, эту невидимую стену! Я хотела к тебе подойти, заговорить... но ты сам избегал всех, особенно меня! Я подумала... я подумала, что ты презираешь меня! Я была глупой, испуганной девочкой!

Она схватила его безвольную руку, прижала к своей щеке.

— Я всегда тебя любила. С той самой первой секунды в школьном дворе. И здесь... я полюбила тебя снова, даже не зная, кто ты. Я полюбила твою душу, Кори! Ту самую душу, что кричала внутри!

На его губах дрогнуло подобие улыбки. Горькой и прощающей.

— Значит... не ошибся. Ни тогда... ни сейчас.

Его взгляд начал терять фокус, уходя куда-то вдаль, за пределы багрового неба.

— Иди... Ева. Тебя ждут... домой. Партал...

Он замолк. Его грудь перестала вздыматься. Свет в его глазах — тех самых, каре-зеленых, которые она когда-то боялась рассмотреть, — медленно угас.

— Нет! — ее крик разорвал тишину. — Нет, ты не можешь! Не сейчас!

В отчаянии она наклонилась и прижалась губами к его уже холодным устам в безмолвном, отчаянном поцелуе, пытаясь вдохнуть в него жизнь, вернуть его из небытия. Но было поздно.

А потом она услышала. Далекий, нарастающий гул. Скрип, топот, рычание. Армия этого ада, привлеченная вспышкой энергии и запахом крови, шла на них. Чтобы растерзать. Чтобы отомстить за своего поверженного бога.

Инстинкт самосохранения, заглушаемый горем, крикнул в ней. Она посмотрела на Портал, сияющий так близко. Потом на лицо Кори — спокойное, наконец-то свободное от масок и боли.

«Ты нашел свой покой. И долг — защищая меня до конца — исполнил».

Действуя на автопилоте, сквозь сжимающую сердце боль, она сделала последние, ритуальные жесты. Аккуратно положила его треснувшую маску ему на грудь, скрестила его руки поверх нее. Ее пальцы на миг задержались на его холодной ладони.

Потом встала. Сделала шаг к свету.

На пороге обернулась в последний раз. Первые твари уже выползали из-за руин, их тени скользили к бездыханному телу ее демона, ее одноклассника, ее первой и последней любви.

— Прощай, Хиро. Прощай, Кори.

И, не в силах больше смотреть, она шагнула в сияние. Холодный свет обнял ее, унося прочь из ада, оставляя позади лишь тихий шепот ветра и темную фигуру на камнях, хранящую свою тайну под ликом сломанного демона.

Портал захлопнулся. В мире, где сатана любил смотреть, остался лишь один-единственный, неподвластный ему, островок покоя.

---часть 1 — (Терарист)

Ладно ! Признаю , мы облокались .

Меня зовут Терарист. Прозвище, конечно, эпичное. Как будто я член какой-то древней гильдии убийц, а не парень, который живет в тоннеле под Бруклином и иногда забывает

купить туалетную бумагу. Объясняю раз и навсегда: «тера» — это чудовище. Я — чудовище по найму. Если у тебя есть проблема, которая не решается законным путем, и ты готов выложить круглую сумму, я — твое последнее, самое аморальное и эффективное «чудо». Я тот грязный секрет Нью-Йорка, о котором все шепчутся, но никто не верит, пока не увидит катану у своего горла.

Мое убежище — это старая насосная станция где-то между Манхэттеном и Бруклином, там, где даже городские легенды боятся ходить. Стены облупленные, в углах шебуршится что-то, что даже крысы боятся есть. Но зато свой угол. Свой бар — две полки с хорошим виски (зачем экономить, если можешь украсть у клиента бутылку получше в качестве бонуса?). И мои игрушки. Два Beretta 92FS, четыре складных ножа в разных местах одежды, и она... моя красавица. Катана, настоящая, не сувенирная. Заказывал у одного старого японца в Квинсе, который не задавал вопросов. Ее я достаю только в двух случаях: когда нужно произвести впечатление или когда все пошло по пизде настолько, что даже пули — это уже просто вежливое приветствие.

В ту ночь я вернулся после «работы». Клиент хотел, чтобы его бизнес-партнер «исчез, оставив после себя только предсмертную записку с признанием во всех грехах». Ну, я устроил ему... креативное исчезновение. Зато теперь у меня в

кармане пачка сотенных и царапина на боку, будто меня ласкал недобрый кот-мутант. Сижу, лью в себя «Лафройг», пытаюсь понять, откуда взялся этот вечный запах мокрой штукатурки и отчаяния.

И тут воздух загудел. Не так, как перед метро. А так, будто пространство само по себе затрещало по швам. И запах... озон после грозы смешался с запахом древней пыли из гробниц и еще чем-то металлическим, как кровь.

Оно материализовалось прямо из тени у ржавых труб. Существо. Лучше всего описать его как ожившую идею страха. Очертания человека, но изломанные, будто его собрали по памяти сумасшедшего. Когти — длинные, черные, впивающиеся в бетон. А глаза... два угля, в которых потухли последние звезды.

Я, не отрываясь, допил свой виски. Поставил стакан. Вздыхнул.

— Ну что, привет. Пробиваешься на вечеринку для одного? Дресс-код, конечно, ты соблюл — выглядишь, блять, потрясающе жутко. Но виски у меня на одного.

Оно наклонило голову. Голос послышался не в ушах, а прямо в костях, скрежещущий и многослойный.

— Ты... видишь меня.

— Вижу бардак, который портит мой и без того неказистый интерьер. Говори, чего хочешь, а то у меня график: зализывать раны, потом страдать от экзистенциального кризиса.

Оно сделало шаг вперед. Холодным волной прокатился по подвалу.

— Меня преследуют. Последнего из нас. Он высасывает сущность, силу, саму память. Оставляет пустую шелуху. Его имя... не важно. Ты зовешь себя чудовищем. Но ты — человек. Живой, дерзкий... живучий. Я не могу больше бежать. Но я могу дать.

— Дать? Что, венеричку? Спасибо, пассивно заразился уже от одного твоего вида.

— Силу. То, что осталось. Это сделает тебя сильнее. Быстрее. Он не сможет просто... коснуться и взять тебя. Ты сможешь драться.

Я рассмеялся. Громко, чтобы заглушить дрожь в руках. Этот кусок ночного кошмара предлагал мне стать супергероем.

— Слушай, приятель. Я и так неплохо справляюсь. Я могу взбежать по стене, перепрыгнуть пятиметровый пролет между крышами и вогнать клинок между ребер так, что хирурги будут плакать от зависти. Зачем мне твои подарки?

— Потому что он придет, — просто сказало существо. — Он чувствует такие всплески, как мой. И он почувствует, когда я передам это тебе. Ты станешь приманкой. Но с клыками. Или ты умрешь, как все, кого он нашел раньше.

Вот это уже аргумент. Я не трус. Я расчетливый ублюдок. Умереть от руки какого-то сосущего душу призрака в костюме — это даже не смешно. Это несолидно.

— Ладно, хуле. Впихивай свою магию. Только, чур, без побочных. Не хочу просыпаться с рогами или желанием цитировать Шекспира.

Оно не стало ничего говорить. Просто двинулось ко мне, растворилось в клубящейся тьме и вонзилось в грудь. Не физически. Это было чувство, будто в каждую клетку, в каждый нерв влили жидкий азот и молнию одновременно. Я закричал. Рухнул на колени. Мир вспыхнул белым светом, в котором пронеслись чужие воспоминания: древние леса на месте небоскребов, шепот духов реки Гудзон, первый страх первого человека, ступившего на этот берег.

А потом... тишина. И невероятная легкость.

Я поднялся. Посмотрел на царапину на боку. Она затягивалась на глазах, как замедленная запись цветения. Я сжал

кулак — мышцы играли под кожей с титановой силой. Без разбега прыгнул к дальней стене, легко оттолкнулся от нее, совершил в воздухе сальто и приземлился бесшумно, как кот. Моя ловкость, выточенная годами паркура, была теперь не навыком, а частью физиологии. Я чувствовал воздух вокруг, как продолжение своего тела.

— Охуенно, — выдохнул я.

Дух, а вернее, его бледная тень, слабо мерцала в углу.

— Беги. Или готовься. Он уже в пути.

Он растворился. А я остался один с адреналином, бьющим в виски как молот, и с новой игрушкой.

Первые «полевые испытания» были... восхитительны. Мой следующий заказ — вынести из охраняемого склада в Бронксе ящик с какими-то биологическими образцами. Охрана была серьезная: десять человек, бронежилеты, сканеры.

Раньше мне потребовался бы план, отвлекающий маневр, часы слежки. Теперь? Теперь я просто вошел в главные ворота.

— Эй, ребята! — крикнул я. — Курьер с пиццей и внезапной смертью!

Пули полетели в меня первым же залпом. Я не стал уворачиваться от всех. Одна попала в плечо. Горячая вспышка, затем — ледящий зуд, и через шесть секунд свинец просто вытолкнуло из мышцы на пол вместе с нарощенной плотью. Я рассмеялся, видя их шок.

Я не бежал — я двигался по стенам и потолку, как паук. Отталкивался от одной стены, перелетал через коридор, пинал одного охранника в голову, используя его тело как трамплин для следующего прыжка. Мои удары, и без того точные, теперь ломали кости через бронежилет. Я выхватил пистолет, сделал три выстрела — три головы откинулись назад. Повернулся, поймал в воздухе нож, брошенный в меня, и швырнул его обратно. Он вошел в горло метателю с таким же звуком, как консервный нож в банку.

Все заняло сорок семь секунд. Я стоял среди тел, даже не запыхавшись. Поднял ящик.

— Спасибо за теплый прием! Чаевые уже забрал!

Я стал брать больше заказов. Более опасных. Мне было скучно и... весело. Я был непобедим. Однажды меня подловили наемники в переулке возле Чайнатауна. Их было пятнадцать. Я израсходовал обоймы, затем пустил в ход ножи, а когда последний клиент воткнулся в кирпич, я наконец обнажил катану. Это был не бой, а танец. Лезвие пело в возду-

хе, оставляя за собой серебристые дуги и алые фонтаны. Я уворачивался от ударов с такой небрежностью, что они били друг друга. В конце я стоял, опираясь на окровавленный клинок, и хохотал. Я чувствовал себя богом.

И тогда я увидел ЕГО впервые.

Это было на крыше небоскреба в Мидтауне. Я только что «убедил» одного коррумпированного чиновника дать показания. Вышел подышать. И увидел сцену на соседней крыше.

Там стоял Он. Пожиратель. Он носил безупречный серый костюм, пальто через руку. Выглядел как самый успешный хедж-фонд менеджер, которого ты когда-либо видел. А перед ним — девушка. От нее исходило сияние, и в воздухе порхали светящиеся бабочки из энергии. Она была красива и полна жизни.

Он улыбнулся ей, как старому другу. Сделал шаг. Она выбросила ладонь, и волна силы ударила в него. Он даже не дрогнул. Просто протянул руку и коснулся ее плеча. Нежно, почти любовно.

И все кончилось.

Свет погас. Бабочки рассыпались пеплом. Ее яркие глаза

потухли, кожа стала серой и пергаментной, волосы — белыми и ломкими. Она рухнула, как тряпичная кукла, рассыпаясь в пыль еще до падения. А от него на секунду повеяло теплым, золотистым светом. Он вдохнул, словно вдыхал аромат дорогого вина. Его глаза на миг вспыхнули тем же сиянием, что было у девушки.

— Прекрасное дополнение к коллекции, — тихо сказал он, поправляя манжет. И посмотрел прямо на меня через разделяющую нас пропасть.

Взгляд был пустым. Холодным, как межзвездный вакуум. В нем не было злобы, жадности или ярости. Только бесконечный, всепоглощающий голод. И интерес. Как энтомолог, нашедший новую редкую бабочку.

Мое сердце, которое не колотилось от пуль, замерло. Инстинкт, древнее любой магии, завопил внутри: «БЕГИ!»

И я сбежал. Впервые за долгое время. Не из тактических соображений. А потому что это был чистейший, животный страх перед абсолютным небытием.

После этого я стал осторожнее. Но мир, оказывается, кишел такими, как я. Ну, не совсем как я — людьми, тронутыми магией, мутантами, носителями артефактов. И у Пожи-

рателя была своя «свита» — ублюдки, которым он оставлял крохи от украденных сил, чтобы они служили ему. Он называл их «Собирателями».

С ними я сталкивался. Их было двое, что попадались мне чаще всего:

- Клинок (Blade): Худая женщина с лицом хищной птицы. Ее способность — материализовывать бритвенно-острые лезвия из воздуха и метать их с невероятной скоростью. Ее приемы были элегантны и смертельны.

- Тень (Shade): Мужик, который мог растворяться в тенях, двигаться сквозь твердые предметы и наносить удары из неожиданных мест. Его атаки были тихими и подлыми.

С ними я дрался. И это были уже не развлечения. Это были настоящие бои.

Помню стычку на Бруклинском мосту. Они загнали меня в тупик между пролетами. Клинок осыпала меня градом энергетических лезвий. Я уворачивался, пуская в ход паркур: прыгал на перила, соскальзывал под летящий клинок, отталкивался от троса. Одно лезвие все же вонзилось мне в бедро. Боль была огненной, нечеловеческой — эта магия словно резала саму душу. Но моя регенерация, подаренная духом, копошилась внутри, вытесняя магическую заразу и

залечивая рану. Я вырвал лезвие — оно рассыпалось у меня в руках — и швырнул в нее обломком бетона.

— Эй, Клинок! У тебя новые лезвия выписывают? Или ты их сама из воздуха лепишь? Говорят, от такой магии целлюлит бывает!

А из тени под моей ногой выросла рука Тени с ножом. Я едва успел отпрыгнуть, получив глубокий порез по груди.

— Тень, вышел погулять? Солнышко тебе вредно, дружок!

Я понял, что в лоб их не взять. Я использовал средю. Выстрелил в тросы держания, обрушив груды металла на Тень, заставив его материализоваться. Пока он откатывался, я всей силой прыгнул на Клинка. Она создала перед собой щит из лезвий. Я не стал тормозить. Прошел сквозь него. Лезвия вонзились мне в руки, в плечи, одно оцарапало щеку. Боль была адской. Но через секунду я был уже перед ней, окровавленный, но улыбающийся. Моя катана описала дугу. Она заблокировала призрачным клинком, но моя новая сила сломала его и вонзилась ей в ключицу.

Она вскрикнула и отступила, растворяясь в тумане. Тень уже скрылся. Я остался стоять на мосту, истекая кровью, которая уже переставала течь. Я победил. Но впервые за долгое время я почувствовал усталость. И понял, что это — лишь

его слуги. Мелкая сошка.

Переломный момент наступил через неделю. Я выслеживал одного из «Собирателей» в районе Адской кухни. И попал в засаду. Но не на себя. Клинок и Тень (уже залечившие раны) охотились на парня-невидимку. Какого-то забитого подростка, который просто хотел, чтобы его не трогали.

Они загнали его в тупик во дворе. Была ночь, во дворе горел одинокий фонарь. Я наблюдал с крыши, собираясь уйти — не моя война. И тогда Клинок, раздраженная, что добыча ускользает, махнула рукой. Не по невидимке. По пожарной лестнице, которая вела к окну, где, прижавшись к стеклу, стояли трое детей, смотревших на уличную «драку».

Лезвие разрезало металл как бумагу. Лестница с оглушительным грохотом рухнула вниз, прямо на этих детей.

Время для меня замедлилось. Я видел их широко раскрытые глаза, полные ужаса. Я видел довольную ухмылку Клинка. Я слышал, как мой внутренний циничный ублюдок сказал: «Не твои проблемы. Беги».

Но мое тело уже двигалось. Слишком быстро даже для меня. Я не думал, я просто прыгнул. С четвертого этажа вниз, прямо в эпицентр падающих металлических конструкций. Я

поймал одного ребенка на лету, оттолкнулся от падающей балки (чувствуя, как ломается кость в ноге), схватил второго, прикрыл их собой и кубарем выкатился из-под груды металла, держа третьего за шиворот.

Мы приземлились в куче мусорных баков. Дети были в шоке, но целы. Моя нога хрустела, выворачиваясь в неестественную сторону, но уже через несколько секунд кости вставали на место с мучительным, но быстрым щелчком.

Я поднял голову. Клинок и Тень смотрели на меня с холодным интересом.

— Геройство, Терарист? — прокричала Клинок. — Как мило. Хозяин будет рад новому экспонату. Сломанный, с комплексами спасателя.

Я встал. Боль еще была, но ее заглушала ярость. Чистая, простая ярость не на них, а на себя. За то, что почти прошел мимо.

— Знаете что, сучки? — сказал я тихо, вытирая кровь с губ. — Этот город — мой личный сумасшедший дом. И я не потерплю, чтобы здесь ошивался еще один, больший ублюдок, чем я. А вы... вы просто мусор, который нужно вынести.

В тот вечер я дрался не ради забавы и не ради денег. Я дрался, чтобы защитить. И это было... по-другому. Сложнее.

Страшнее. Но и почему-то... правильнее. После этой драки (они снова сбежали, черти) я вернулся в свое убежище. Сидел в темноте и смотрел на катану. Дух Бруклина дал мне силу не для того, чтобы я стал королем подполья. Он дал мне инструмент. Единственный инструмент, который мог хоть как-то противостоять Пожирателю. Потому что я был не чистым магическим существом, которого можно высосать как коктейль. Я был гибридом. Грязным, непредсказуемым, живучим человеком с прививкой магии. Я был ошибкой в его безупречном плане по поглощению всего чудесного.

Я понял свою роль. Я не герой. Я — ядовитая приманка. Гвоздь в шине его бессмертного лимузина.

Я выследил его логово. Не прятал. Пентхаус на самом вершине Башни Трампа. Ирония судьбы — самое пафосное место для самого ненасытного паразита.

Я не стал пробираться через службы доставки или вентиляцию. Это было бы банально. Я полез по стеклу и стали снаружи. Мой дар паркурщика, умноженный в десять раз, превращал небоскреб в детскую площадку. Я был как муха, несущаяся навстречу пауку.

Взломал окно, вкатился внутрь. Роскошь, от которой воротило. Все белое, золотое, стерильное. Как больница для

миллиардеров. И в центре, спиной ко мне, у панорамного окна стоял Он. Пожиратель. В руке бокал с темно-рубиновой жидкостью. Он смотрел на огни города, как на праздничный торт, который скоро будет его.

— Знаешь, — сказал он, не оборачиваясь, — этот вид никогда не надоедает. Видеть всю эту энергию, всю эту... жизнь. Такую хрупкую. Такую вкусную.

— Эй, Ганнибал Лектер от мира магии! — крикнул я, выхватывая оба «Беретты». — Заказывал доставку «горячей свинцовой правды»? Она приехала!

Он медленно, неспешно повернулся. Его лицо было спокойным. В глазах — все тот же голодный интерес.

— Терарист. Или, может, мне называть тебя наследником Духа Бруклина? Как трогательно. Он нашел в тебе последнюю искру надежды. Мусорщик с мечтой о подвиге.

Из теней за его креслами материализовались Клинок и Тень. На их лицах были шрамы от наших прошлых встреч. И еще двое: массивный тип с каменной кожей и стройная девушка, от пальцев которой потрескивала электрическая энергия.

— Он думает, что станет героем, — мягко сказал Пожи-

ратель своим слугам. — Покажите ему разницу между героем... и ужином.

Клинок взмахнула руками — десятки лезвий понеслись ко мне. Каменная Гора ринулся, гремя по полу. Электро-девица зарядила сферу молний.

Я улыбнулся. По-настоящему. Впервые за долгое время я точно знал, за что дерусь. Не за деньги. Не за выживание. А за этот вонючий, прекрасный, безумный город, который был моим домом.

Я прыгнул навстречу граду лезвий.

— Ну что, твари! Давайте потанцуем! А потом я научу вашего босса, что нельзя жрать всё подряд — можно и подавиться!

Я нажал на курки. Битва началась. — часть 2 — (террорист)

"Когда мир пытается тебя сломать, становись не крепче, а острее. Острие не ломают — им режут". — Из размышлений Терариста.

Битва в пентхаусе была адом в позолоченной рамке. Я пулял, резал, прыгал, но понимал главное: со слугами я ещё

как-то справляюсь, но сам Пожиратель — это стена. Непроступная и абсолютная. Он наблюдал, как я отбивался от его «Собирателей», с холодным, научным интересом, будто изучал повадки редкого насекомого.

Именно в тот момент, когда я, уворачиваясь от энергетических лезвий Клинка, срезал кабель люстры, обрушив её на голову Каменной Горе, меня осенило. Не геройским прозрением, а грязным, тактическим расчётом. Он даёт им играть со мной. Он тестирует. Собирает данные. Каждый мой приём, каждая уловка — это ещё одна крупница информации для него. А информация, в его мире, и есть сила.

— Надоело! — голос Пожирателя раздался спокойно, заглушая грохот.

Он щёлкнул пальцами. И всё остановилось. Вернее, остановились они. Его слуги замерли, как куклы. А от него потянулись тонкие, алчные нити к каждому из них. Я видел, как Клинок бледнела, теряя очертания, как Тень становился плотным и обычным, как с Каменной Горы осыпались куски шкуры, а с девушки с электричеством сходили искры. Он не убивал их. Он просто забирал обратно свои подарки, оставляя пустые, испуганные оболочки. Это было омерзительнее любой смерти.

— Спасибо за услугу, — сказал он им безразлично, разглядывая сгусток переливающейся энергии в своей ладони. Затем взгляд его пустых глаз упал на меня. — А теперь, истинный приз. Твоя древняя сила станет тем ключом, что открывает мне этот мир целиком. Не просто силушки по одному высасывать... а подключиться к самому источнику. К сердцу этого города, к жизням миллионов. Сделать их всех... своей батареей.

-У батареек есть плюс и минус , так ты актив или пассив ? Шутканул я в ответ!

Вот оно. Ответ на «почему я». Я был не просто целью. Я был катализатором. Живым ключом к массовому порабощению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.